

Ю. Карцовъ.

Р 310
413

СЕМЬ ЛѢТЪ

на

Ближнемъ Востоку

1879—1886

Воспоминанія политическія и личныя

Изъ журнала „МОРЕ“.

С.-Петербургъ.

Экономическая Типо-литографія, Вас. Остр., 14 линія, д. 5.

1906.

Cu toate acestea, este un lucru sigur ca in raportul acesta, autorii au prezentat, in mod succint, o imagine de ansamblu a pozitiei actuale a filozofiei in Romania. Astfel, la capitolul I, sunt prezentate problemele de ontologie, epistemologie si metodologie, iar la capitolul II, sunt prezentate problemele de etica si politica. In cele doua capitole, autorii au prezentat o imagine de ansamblu a pozitiei actuale a filozofiei in Romania, iar la capitolul III, au prezentat o imagine de ansamblu a pozitiei actuale a filozofiei in Romania.

Young, immature specimens from Apache Spring are very different morphologically. Ovaries mature and degenerate, as in adult females, in very characteristic or other manner, unique for animals with no other, more advanced. Thus, primary, mature, or mature conditions appear with specimens, mature still immature very specimens, as females are these specific growth stages: as are a or immature, mature morphological, "age but not sex" have no morphological differences.

Дѣятельность князя Лобанова въ 1878—79 гг., въ качествѣ Императорскаго Посла въ Константинополь, можно признать безусловно успѣшною. Успѣхъ этотъ являлся послѣдствіемъ тогдашней политической обстановки. Напряженіе военнаго времени ослабѣвало, надвигалось облако всеобщаго затишья. По своему лѣнивому индифферентному характеру, князь Лобановъ какъ разъ отвѣчалъ всеобщей потребности замиренія. Онъ не тормозилъ турокъ, какъ |—

это дѣлали другіе послы, не возбуждалъ новыхъ вопросовъ, а держался главныхъ линій данныхъ ему инструкцій. Такою манерою пріобрѣлъ онъ расположеніе Султана Абдуль-Гамида, какъ ни одинъ Посоль, ни до, ни послѣ него.

Выдающимся моментомъ дѣятельности князя Лобанова было улаженіе извѣстнаго дѣла о „вышкѣ“. Фуадъ Паша-герой сраженія подъ Еленою, выдвинулъ войска за демаркаціонную линію и занялъ возвышенность какъ разъ противъ расположенія Скобелева. Предувѣдомленный ночью о случившемся, князь Лобановъ всталъ на разсвѣтѣ и поѣхалъ къ Серверу Пашѣ. Въ результатѣ переговоровъ турки очистили вышку. Причины, руководившіе Фуадомъ Пашею, невыяснены. Едва ли, однако, вѣрно толкованіе нашей печати, которая въ поступкѣ турецкаго генерала видѣла только необдуманную браваду. Викторъ Франкини (о немъ я упоминалъ выше) объяснялъ мнѣ событіе иначе. По его версіи, дерзость Фуада Паши имѣла цѣлью опять возбудить войну. Положеніе, которое занимала русская армія между двумя морями было очень рискованно. Конечно, русскіе послѣ удачнаго сраженія овладѣли бы всѣмъ европейскимъ берегомъ Босфора, но на этомъ бы ихъ успѣхъ и остановился. Англійская эскадра не только помѣшала бы перейти на азіатскій берегъ и загородить проливъ, но, войдя въ Черное море, пресѣкла бы всякое сообщеніе съ Одессою. Между тѣмъ, разрушить Систовскій мостъ вполнѣ зависѣло отъ доброй воли Австріи и Румыніи. Заманчивыя перспективы, которыя себѣ рисовали турецкіе стратеги, оказались праздными мечтаніями: противъ возобновленія войны высказались штатскіе элементы столицы, обитательницы гаремовъ, владѣльцы дворцовъ и т. п. Къ нимъ присоединился и Абдуль-Гамидъ: горькій опытъ научилъ султана насколько помощь западныхъ державъ обходится дорого и что, чѣмъ бы борьба не кончилась, а за битую посуду придется платить Турціи.

Итакъ, все хорошо, что кончается хорошо. Князю Лобанову принадлежитъ заслуга немедленнаго вмѣшательства, предупредившаго развитіе событій и разгаръ страстей.

Говорятъ, все устроилось бы само собою, если бы мы не заключали перемирія, а шли себѣ напрямикъ и, такимъ образомъ, ворвались въ городъ на плечахъ непріятеля и овладѣли береговыми батареями. По этой версіи виноватымъ оказывается перемиріе; въ козлы отпущенія, вмѣсто Графа П. А. Шувалова, попадаетъ А. И. Нелидовъ. Но перемиріе было заключено, въ виду общаго заявленія нашихъ генераловъ о крайнемъ переутомленіи войскъ. Возможность успѣха, если ее и допустить, была настолько кратковременна, что прежде, чѣмъ она проникла въ сознание главныхъ лицъ арміи, англійская эскадра уже дежурила на стражѣ у Принцевыхъ острововъ. С. С. Татищевъ, который состоялъ ординарцемъ при Главнокомандующемъ Э. И. Тотлебенѣ, рассказывалъ мнѣ, какъ онъ, во время С. Стефанскихъ досуговъ, ретроспективно бесѣдовалъ съ М. Д. Скобелевымъ. По мнѣнію Татищева, Михаилу Дмитриевичу слѣдовало не увлекаться лаврами авангарднаго генерала, а неотступно сидѣть въ Главной квартирѣ и тамъ производить давленіе на Великаго Князя.

Мнѣ кажется, изъ предшествующаго можно вывести заключеніе: сознание важности Босфора еще не успѣло въ періодъ кампаніи 1878 г. овладѣть умами; оно возникло позже, какъ результатъ понесенныхъ неудачъ. Независимо ошибокъ того или другого дѣятеля, самый вопросъ являлся незрѣлымъ, а потому, весьма естественно, и не получилъ желаннаго разрѣшенія.

Когда все было кончено, Берлинскій трактатъ подписанъ, и русскія войска стали возвращаться домой, въ нашей политикѣ обозначились два рѣзко противоположныхъ направленія. Первое соглашалось признавать рѣшенія берлинскаго ареопага по необходимости, какъ временную уступку; въ пріостановкѣ военныхъ дѣйствій оно видѣло „роздыхъ“. Официальное сообщеніе, послѣдовавшее вслѣдъ за конгрессомъ, именно этимъ словомъ опредѣлило тогдашнее поло-

женіе и правительственныя намѣренія. Душою партіи „реванша“ былъ военный Министръ Д. А. Милютинъ, патріотическія взгляды раздѣлялись и многими высокопоставленными лицами. Между ними: Государыня Императрица Марія Александровна, подкошенная роковымъ недугомъ, но духомъ еще бодрая, Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ и его приближенные. Аничковъ дворецъ считался очагомъ русскихъ чувствъ и патріотизма. На столбцахъ газетъ подвизались М. Н. Катковъ и И. С. Аксаковъ. Назовемъ еще Н. П. Игнатьева, творца С. Стефанскаго договора и, наконецъ, неугомоннаго, изнывашаго въ мирномъ бездѣйствіи, М. Д. Скобелева.

Совершенно иначе смотрѣли на вещи и понимали задачи Россіи люди противоположнаго лагеря; изъ нихъ на первомъ планѣ главный дѣятель Берлинскаго Конгресса, Графъ П. А. Шуваловъ. По ихъ мнѣнію, Россія, которую внутреннія реформы расшатали, а война истощила, была слишкомъ слаба, чтобы опять приниматься за рѣшеніе восточнаго вопроса. Чтобы успокоить общественное броженіе и поправить разстроившіеся финансы, Россія нуждалась въ продолжительномъ мирѣ, а для этого надлежало не вызывать событія на Востокъ, а, напротивъ, всячески ихъ тормозить. Н. К. Гирсъ, Управляющій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, будучи въ душѣ сторонникомъ *entente européenne*, чувствовалъ себя еще маленькимъ человѣкомъ, боялся Д. А. Милютина и заигрывалъ съ военными.

Оглядывая пройденное пространство, я, на вопросъ: кто были правы — патріоты или ихъ противники, сторонники европейскаго концерта? — дать положительный отвѣтъ затрудняюсь. Россія, безъ сомнѣнія, нуждалась въ покоѣ: обязанность дипломатіи была его доставить; весь вопросъ только за какую цѣну и какими средствами. Говорятъ, политика болѣе смѣлая привела бы насъ къ войнѣ, и эта война оказалась бы униженіемъ Россіи и новымъ успѣхомъ Германіи. Подобныя же опасенія высказывались по поводу франко-русскаго сближенія, но союзъ съ Франціею осуществился, тѣмъ не менѣе, войны не послѣдовало. Кто наклоняетъ голову, того и бьютъ. Каковы бы не были соображенія внутренней политики, государство, которое напередъ заявляетъ, что оно воевать не будетъ, тѣмъ самымъ признаетъ свое банкротство въ дѣлахъ внѣшнихъ: друзья отъ него

отдаляются, а враги соотвѣтственно умножаютъ дерзкія требованія.

Предоставляя позднѣйшей исторической оцѣнкѣ обсуждать вопросъ: — какое изъ двухъ тогдашнихъ направленій оказалось правымъ, хотя бы относительно, — я полагаю, что совмѣстное ихъ участіе въ нашей политикѣ заранѣе отнимало у нашихъ дѣйствій возможность успѣха. Стоило одному направленію что нибудь задумать, другое — спѣшило представить возраженія и создать препятствія. Мнѣ помнится, какъ покойный А. Г. Жомини, большой охотникъ поговорить о политикѣ, въ мѣткомъ сравненіи указывалъ опасность политической двойственности: „Человѣкъ собирается перепрыгнуть черезъ канаву, его хватаютъ за фалды: онъ теряетъ равновѣсіе и падаетъ въ ровъ. Военные хотятъ заставить Россію сдѣлать прыжокъ, дипломаты ее удерживаютъ: прыжокъ, разумѣется, послѣдуетъ неудачный“.

Однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ „патріотовъ“ былъ Н. Н. Обручевъ: онъ завѣдывалъ дѣлами военно-ученаго комитета, а вскорѣ былъ назначенъ Начальникомъ Главнаго Штаба. Подъ его руководствомъ производились работы, какъ по изученію минувшей кампаніи, такъ и на случай новыхъ осложненій. Съ разныхъ сторонъ напрягались усилія ликвидировать послѣдніе остатки оккупации, уничтожить самую память русскихъ военныхъ подвиговъ, однимъ словомъ, покончить разъ навсегда со всѣмъ этимъ недавнимъ, столь ненавистнымъ, прошлымъ. До времени, однако, связь между Россіею и Болгаріею не прерывалась: обѣ Болгаріи походили на русскій военный лагерь; при нашемъ Посольствѣ въ Константинополѣ состояло нѣсколько офицеровъ Генеральнаго Штаба.

Военнымъ агентомъ и старшимъ среди прочихъ офицеровъ былъ герой Деве-Бойны и Баязета, полковникъ Владиміръ Николаевичъ Филипповъ. Затѣмъ слѣдовали: подполковники: Е. А. Веригинъ и Кумерау; капитаны: Протопоповъ и Эккъ. Кромѣ того, временами наѣзжалъ полковникъ В. У. Сологубъ. Подполковникъ И. В. Волькенау былъ присланъ по особому порученію Графомъ Тотлебенемъ; онъ поселился у меня на квартирѣ.

Евгеній Петровичъ Новиковъ совершенно не походилъ на своихъ дипломатическихъ коллегъ. Корректностью и сдержанностью онъ не отличался, а по складу ума и образованію онъ былъ настоящій гелертеръ. Но во взглядахъ на Россію, ея политическое призваніе и положеніе, онъ вполнѣ раздѣлялъ ихъ мнѣнія. Для него, какъ и для нихъ, враги Россіи были не англичане и нѣмцы, а славянофилы и военные, которые толкаютъ Россію въ пропасть. Неудачи и ошибки нашей политики онъ возводилъ въ общее правило. Когда я доказывалъ Новикову, что Россія превосходная скрипка, и что все дѣло найти для нея Паганини, онъ отвѣчалъ, что скрипка испортилась и никакой Паганини не поможетъ. Политическая программа его выражалась въ краткихъ словахъ: „не выдумывать и сидѣть смирно“. Разница между Новиковымъ и прочими дипломатами была та, что Новиковъ выражался безъ обиняковъ, грубо. Другіе думали и проводили тоже самое, но, соблюдая приличіе, не хотѣли признать *saufé qui peut* въ дѣлахъ Балканскаго полуострова, а продолжали писать объ историческихъ правахъ Россіи, на которую христіанскіе народы продолжаютъ взирать съ надеждою и проч. Подобная фразеологія, завѣдомо лживая, еще болѣе увеличивала путаницу господствующихъ представленій и осложняла и безъ того невозможное положеніе наше на турецкомъ Востоку.

Реуфъ-Паша потерялъ надежду стать во главѣ турецкой политики. Тѣмъ не менѣе, въ нашемъ Посольствѣ, онъ по прежнему былъ *persona gratissima*.

Смыслъ, получаемыхъ изъ Петербурга инструкцій гла-
силъ неизмѣнно: пусть турки, сербы, болгары дѣлають, что
хотять, лишь бы насъ опять не впутали. При подобномъ

На этомъ соображеніи особенно настаивалъ Вильгельмъ I. Говорятъ, онъ обратился къ своему Августѣйшему Племяннику съ письмомъ, въ которомъ онъ предупреждалъ его, что въ обѣ кампаніи 1866 и 71 г.г. онъ только потому былъ въ состояніи остановить войска, что во главѣ ихъ стояли его ближайшіе родственники. Когда Милютина остерегали, что предположенныхъ войскъ недостаточно, онъ отвѣчалъ: „Всякая цѣль предполагаетъ извѣстныя средства. Для данной цѣли назначенныхъ средствъ достаточно“. Человѣкъ не особенно далекій, но со здравымъ смысломъ, графъ Ф. Л. Гейденъ говорилъ Милютину: „Я допускаю самую блестящую кампанію, но въ рѣшительную минуту вмѣшается Европа“. Невозмутимо и самоувѣренно сталъ доказывать Милютинъ: все предусмотрѣно, событія не выйдутъ изъ колеи, Европѣ не будетъ повода вмѣшиваться. А. С. Зеленой, военный агентъ въ Константинополѣ, представляясь Милютину, позволилъ себѣ выразить мнѣніе, что лучше бы намъ ограничиться войною въ Малой Азіи, а за Дунай и не ходить вовсе. Ничего не говоря, Милютинъ взялъ его за руку и пощупалъ ему пульсъ. Послѣ войны Милютинъ самъ напомнилъ Зеленому при первой съ нимъ встрѣчѣ этотъ разговоръ: „Война кончилась и Европа не вмѣшалась, сказалъ ему Д. А., надѣюсь вы убѣдились, что опасенія ваши были напрасны“. Зеленой съ полнымъ основаніемъ могъ бы возразить Министру: конечно, Европа не вмѣшалась, но за это невмѣшательство заплатили мы очень дорого: отказались отъ свободы дѣйствія и предоставили европейскому концерту вершить судьбы турецкаго Востока.

Относясь къ дальнѣйшему развитію событій съ олимпійскимъ спокойствіемъ, Д. А. Милютинъ уже не вмѣшивался въ разработку плана кампаніи, ни въ организацію штабовъ. Великій Князь Николай Николаевичъ, когда ему прочили въ Начальники Штаба, кажется Обручева, отозвался: „мнѣ няньки не нужно“. А. А. Непокойчицкаго рекомендовалъ ему тотъ же графъ Ф. Д. Гейденъ, который въ другое время не посмѣлъ при Милютинѣ и голоса возвысить. Въ разгаръ кампаніи, въ самый моментъ плевненской драмы, Д. А. Милютинъ находился при Александрѣ II и занимался чтеніемъ „Анны Карениной“. Наше общественное мнѣніе, обозленное неблагоприятнымъ оборотомъ военныхъ

дѣйствій, набрасывалось на правительство, осыпало насмѣшками командировъ: Д. А. Милютинъ до конца оставался популярнѣйшимъ министромъ. Безпристрастная исторія едва ли раздѣлитъ снисходительность современниковъ. Не военною прогулкою, на которую рассчитывали, оказалась эта война, а борьбою на жизнь и на смерть, а когда, наконецъ, мы съ Турціею совладали, передъ нами открылась грозная перспектива войны съ цѣлою Европою. Д. А. Милютинъ являлся представителемъ интеллектуальнаго начала въ арміи: онъ долженъ былъ поддержать авторитетъ свѣдущихъ людей. вмѣсто того, онъ предпочелъ предоставить Великимъ Князьямъ неограниченную свободу, а себя намѣренно отстранялъ. Поступая такъ, онъ выказалъ замѣчательную ловкость, но это была ловкость холоднаго себялюбца, а не государственнаго мужа и человѣка, преданнаго идеѣ. Во время конгресса въ Берлинѣ Д. А. Милютинъ громогласно говорилъ дипломатамъ: „Уступайте все: Россія воевать не можетъ“; послѣ конгресса, въ правительственномъ сообщеніи, онъ объявилъ, что это только „роздыхъ“ и что наша политика будетъ держаться прежняго направленія.

Если все предшествующее вѣрно—получается выводъ: не пора ли перестать искать объясненія неудачъ войны 1877—78 гг. въ отдѣльных эпизодахъ, ошибкахъ того или другого дипломата или дѣятельности народныхъ агитаторовъ. Основная причина всѣхъ неудачъ была та правительственная неурядица, которую М. Н. Катковъ опредѣлилъ знаменитою фразою: „правительство отсутствуетъ“; во внѣшней политикѣ она насъ привела къ конгрессу въ Берлинѣ, а во внутренней—къ роковому 1-му марта.

Возвращаюсь къ моему повѣствованію. Картина тяжелаго нашего положенія, которую Новиковъ въ своихъ донесеніяхъ изображалъ обстоятельно и добросовѣстно, не нравилась въ Петербургѣ. Новый Императоръ не одобрялъ Новикова и ранѣе, когда онъ былъ посломъ въ Вѣнѣ: затрудненія, испытываемыя русскою политикою въ Турціи, являлись подтвержденіемъ Его прежнихъ взглядовъ, а потому Государь склоненъ былъ отнести извѣстную ихъ долю на счетъ личныхъ свойствъ Евгенія Петровича: его пессимизма, несдержанности и недостатку спокойной энергіи. Настроеніе это поддерживалъ l'homme d'avenir А. И. Нелидовъ, служившій въ Константинополѣ совѣтникомъ посольства, а

затѣмъ посланникомъ въ Дрезденѣ. А. И. Нелидовъ изъ Дрездена ѣздилъ въ Берлинъ, гдѣ П. А. Сабуровъ показывалъ ему дипломатическую переписку, на основаніи которой, онъ на все, что сдѣлало наше посольство, писалъ жесточайшую критику. Было ясно, что Новиковъ въ Константинополѣ не удержится, и признаки приближенія его немилости умножались. Министерство Иностранныхъ Дѣлъ частнымъ образомъ увѣдомило Новикова что *en haut lieu* находятъ его донесенія слишкомъ длинными и чтобы онъ ихъ сократилъ по возможности. Турецкій посолъ въ Петербургѣ Шакиръ Паша жаловался на то, что бесѣдуя въ Портѣ съ Великимъ Визиремъ и министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, Новиковъ доходитъ до криковъ, такъ что звукъ его голоса разносится по корридорамъ и вызываетъ толки служителей. Отъ К. П. Побѣдоносцева Новиковъ получилъ письмо, въ которомъ по поводу греко-болгарской церковной распри К. П. выражалъ такое мнѣніе: какъ должны радоваться наши враги, люди западной культуры, что между православными происходитъ рознь. „Съ какихъ это поръ, восклицалъ Новиковъ, люди западной культуры сдѣлались нашими врагами? или Россія новый Израиль, котораго задача сокрушать иноплеменниковъ. И если бы вправду мы держали себя честно и грозно. А въ дѣйствительности мы то и дѣло оглядываемся и боимся—какъ бы насъ не запутали“.

Я уже упоминалъ, что послѣ войны нѣсколько офицеровъ осталось въ Константинополѣ и занималось собираніемъ свѣдѣній и военными изслѣдованіями; затѣмъ черезъ Константинополь часто проѣзжали русскіе дѣятели военные и гражданскіе, отправляясь въ Болгарію или возвращаясь оттуда.

Почему бы, продолжалъ я, не предложить Обейдуллаху поселиться у насъ на Кавказѣ, гдѣ дать ему участокъ земли съ мечетью. Этимъ мы содѣйствовали бы замиренію края, а, главное, турки, видя что мы вблизи ихъ границы держимъ цѣпную собаку, поняли бы, что Россія не окончательно сошла со сцены, а, напротивъ, всегда готова явиться дѣятельнымъ факторомъ въ судьбахъ Востока. Объ этомъ планѣ я, не далѣе какъ вчера, толковалъ съ военнымъ агентомъ В. Н. Филипповымъ.

Я говорилъ съ одушевленіемъ и въ тоже время наблюдалъ—какое впечатлѣніе мои слова производятъ на Нелидова. Онъ слушалъ внимательно и съ видимымъ одобреніемъ. Нелидовъ чувствовалъ, что отъ него ожидаютъ положительнаго дѣла: вѣдь прибылъ онъ въ Константинополь не ради повторенія пессимистическихъ *doléances* Новикова, котораго онъ передъ тѣмъ осуждалъ такъ немилосердно. Что Россіи не слѣдуетъ вступать въ соглашенія съ державами запада, это была старая точка зрѣнія политики генерала Н. П. Игнатьева и поэтому она Нелидову была близко знакома. Проектъ воспользоваться Обейдуллахомъ и переманить его въ Россію настолько ему понравился, что, выйдя на берегъ, онъ предложилъ мнѣ немедленно пойти съ нимъ къ В. Н. Филиппову.

Владиміръ Николаевичъ очень изумился нашему появленію. Касательно Обейдуллаха, онъ повторилъ то же, что говорилъ и я. Нелидовъ пожелалъ тотчасъ приступить къ дѣлу и при нашемъ участіи составилъ телеграммы: въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, вице-консулу въ Ванъ, третья, (если мнѣ не измѣняетъ память), была главноначальствующему на Кавказѣ, князю Дондукову-Корсакову.

Вернувшись въ Буюкъ-дере, я рассказалъ товарищамъ о неожиданныхъ результатахъ моей поѣздки. Они очень обрадовались тому, что ледъ, въ который по отношенію насъ облекался Нелидовъ, наконецъ, растаялъ. Дальнѣйшее зависѣло отъ общаго успѣха Нелидовскихъ дѣйствій.

Въ эту минуту, въ Петербургѣ на горизонтѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ восходило новое свѣтило: нашъ посланникъ въ Персію, И. А. Зиновьевъ готовился вступить въ управленіе Азіятскимъ Департаментомъ. Иванъ Алексѣевичъ пользовался большою популярностью въ сферѣ военной и бюрократической; вѣру въ свой талантъ сумѣлъ онъ

внушить и вліятельному публицисту М. Н. Каткову. М. Д. Скобелевъ въ застольной рѣчи призналъ важныя заслуги, которыя Зиновьевъ оказалъ въ Ахалъ-Теке. Призывая Зиновьева къ отвѣтственной дѣятельности, Н. К. Гирсъ поступалъ чрезвычайно ловко: онъ дѣлалъ его себѣ безвреднымъ и, въ то же время, противопоставилъ Нелидову опаснѣйшаго антагониста.

Телеграмма Нелидова объ Обейдуллахѣ вызвала въ Министерствѣ переполохъ. Задача провалить предложеніе Нелидова была возложена на Зиновьева. По мнѣнію Министерства, связываться съ Обейдуллахомъ не слѣдовало, потому что это произвело бы дурное впечатлѣніе и притомъ не только въ Константинополѣ, но и въ Тегеранѣ. Афганскій эмиръ Абдурахманъ 12 лѣтъ жилъ въ Россіи,—теперь онъ на сторонѣ Англіи и т. п. Въ силу приведенныхъ соображеній, Министерство отвергало проектъ Нелидова и извѣщало его о томъ сначала короткою телеграммою, а потомъ и обстоятельною депешою.

prise de possession пункта, обладаніе коимъ мы считаемъ главнымъ объектомъ нашей дѣятельности. Нелидовъ поддержалъ мой проектъ и отправилъ его въ Петербургъ. Министръ Финансовъ Н. Х. Бунге встрѣтилъ его благосклонно, выразилъ только опасеніе — какъ бы наши деньги не пошли на пользу иностранной торговлѣ, а не своей русской. Противникомъ проекта выступилъ опять таки И. А. Зиновьевъ. „Когда я былъ первымъ секретаремъ Посольства въ Константинополѣ, сказалъ Иванъ Алексѣевичъ, по приказанію Генерала Игнатьева, я тоже писалъ проектъ русскаго банка въ Константинополѣ. Но лично я плану этому не сочувствовалъ“. Само собою разумѣется, мой проектъ провалился.

Перехожу теперь къ самому чувствительному мѣсту политики минувшаго царствованія — болгарскому вопросу. Устраивая въ Болгаріи гражданское управленіе и создавая тамъ войско, Россія этимъ показывала, что она готовится принять участіе въ судьбахъ Балканскаго полуострова. Правда, мы въ Берлинѣ согласились на разъединеніе обѣихъ Болгарій, но уступка эта была вынужденная и временная. При первомъ удобномъ случаѣ, Россія должна была двинуться противъ турокъ, а болгары провозгласить соединеніе и такимъ образомъ поддержать наступленіе русскаго войска.

собрать свои собственные экземпляры, а также на Ботанико-Садов Лейпцига и Мюнхена.

Послѣ всѣхъ неудачъ и испытаній нашей Балканской политики, я ожидалъ, по крайней мѣрѣ на Кавказѣ, встрѣтить настроеніе бодрое и увѣренное. Но и тутъ пришлось разочароваться. Тифлисскіе генералы казались обезкураженными. Довольно съ насъ и того, что было, казалось, говорили невеселыя ихъ лица. И на Кавказѣ, при всѣхъ побѣдахъ и блестящихъ подвигахъ, результаты кампаніи получились отрицательныя. Штурмъ на передовыя укрѣпленія Эрзерума былъ отбитъ; въ арміи распространился поварьный тифъ. Продолжать войну, безъ присылки изъ Россіи подкрѣпленій, было не мыслимо. А мелкія дразги: борьба штабовъ Великаго Князя и Лорисъ-Меликова? Тяжелое впечатлѣніе недавняго прошлаго еще не изгладилось: понятно, оно не располагало къ новымъ предпріятіямъ.